

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-155-160>
УДК 821(4).09»19/20»

Велигорский Георгий Александрович
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

**ВАРВАРСКАЯ СТРАНА ИЛИ ПОЛИЦЕЙСКОЕ ЦАРСТВО:
НЕГАТИВНЫЙ ОБРАЗ РОССИИ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет средств гранта РФФИ
№ 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд»

В детской литературе Великобритании конца XIX – начала XX века, в период ее наибольшего расцвета, известного также как «золотой век детской литературы», формируется негативный миф о России. Первоначально она предстает как страна варваров, убийц и головорезов, впоследствии – как «полицейское государство», страна тюрем, холодных застенков, политических узников, где правит несправедливость, торжествует тиран, а правда – поправа и задавлена. В нашей статье мы попробуем проследить генезис этого мифа, историю его развития, основные произведения, в которых он возникает, – и возможные тенденции его дальнейшего существования. Очевидно, что именно детская литература формирует читательское сознание на его ранних стадиях, а потому возникновение ярко выраженного – а тем более негативного – мифа может иметь значительные последствия, колоссальное влияние на дальнейший образ мыслей и восприятие читающей аудитории.

Ключевые слова: детская литература, викторианская литература, «детский миф», Д.М. Мьюлок, Ч. Кингсли, Дж.Х. Юинг, Э. Несбит

Информация об авторе: Велигорский Георгий Александрович, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия
E-mail: screamer90@mail.ru

Дата поступления статьи: 16.11.2020

Для цитирования: Велигорский Г.А. «Полицейское царство Россия» в детской литературе Великобритании конца XIX – начала XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 155-160. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-155-160>

George A. Veligorsky

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

**A BARBARIC COUNTRY OR A POLICE KINGDOM:
A NEGATIVE IMAGE OF RUSSIA IN THE CHILDREN'S LITERATURE
OF GREAT BRITAIN OF THE LATE 19TH – THE EARLY 20TH CENTURY**

In the children's literature of Great Britain in the late 19th – early 20th centuries, during its greatest heyday, also known as the “golden age of children's literature,” is forming a negative myth about Russia. Initially, Russia appears to be a country of barbarians, murderers and thugs, later – as a “police state”, a country of jails, cold dungeons, political prisoners, where injustice rules, a tyrant triumphs, and truth is trampled and suppressed. In our article we will try to trace the genesis of this myth, the history of its development, the main works in which it appears – and the possible tendencies of its further existence. It is obvious, that the children's literature forms the reader's consciousness in its early stages, and therefore the emergence of a pronounced – and even more negative – myth can have significant consequences and a colossal impact on the further way of thinking and perception of the reading audience.

Keywords: children's literature, Victorian literature, “children's myth”, D.M. Mulock, C. Kingsley, J.H. Ewing, E. Nesbit

Information about the author: George A. Veligorsky, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>, Candidate of Philology, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russia
E-mail: screamer90@mail.ru

Article received: November 16, 2020

For citation: Veligorsky G.A. “The Police Kingdom of Russia” in the children's literature of Great Britain of the late 19th – the early 20th century. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 155-160 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-155-160>

В мировой литературе широко распространено такое понятие, как миф о той или иной стране. Миф этот возникает, когда наряду со страной реальной – формируется другая, параллельная ей, не существующая наяву, но живущая в народном сознании. В зависимости от целого ряда факторов, эта страна получает очертания, характеристики и т. п., нередко отличающиеся от действительной картины и обстоятельств. Существует, разумеется, и миф о России¹, а особой его разновидностью является «детский миф», или миф, сформировавшийся в детской литературе той или иной страны.

Если говорить об Англии (и впоследствии Великобритании), то первые упоминания России в художественной литературе относятся еще в XIV веке (ср. у Дж. Чосера в «Кентерберийских рассказах»: «Ходил он на Литву, ходил на русских...» (пер. И.А. Кашкина)), однако формирование полноценного русского мифа относится к XVI веку; он складывался на основе отчетов английских путешественников, дипломатов и послов при русском дворе (Ричард Ченслер, «Книга о великом и могущественном царе Руси и князе Московском и о владениях, порядках и произведениях сюда относящихся» (1583); Джайлз Флетчер, «О государстве русском» (1591); Ричард Хорси (Горсей), «О России и других северных странах» (опубл. 1627) и т. п.). Обобщенно он может быть сформулирован так: Россия – дикая страна, населенная варварами, над которыми стоит царь-тиран; народ здесь «лукавый», «хитрый», «склонный к пьянству», «порочный нравами» [Красавченко: 40–41], а «люди грубые и толкаются» [Berry, Crummeу: 75]. К этому же времени относится и первое упоминание о суровом климате – и Россия в первый раз выводится в описаниях как страна вечных снегов [Красавченко: 40].

Отношения между Россией и Англией – на протяжении, по крайней мере, последних пяти веков (с XVI по XXI) – были в лучшем случае прохладными. Краткие периоды «оттепелей» (к примеру, союзническое участие в военных конфликтах – в особенности мировых) сменялись в них неприязнью и открытой враждебностью. В XIX веке в Англии господствовали русофобские настроения, обострившиеся в 1840–1850-е годы в связи с Крымской войной (1853–1856 гг.) и сохранившиеся на этой «волне» до конца столетия. Россия в художественной литературе представляется как дьявольская страна, черный, крошечный ад (А.Ч. Суинберн, «Россия: ода» («Russia: an ode», 1890)). Это – царство «иконы и топора», где народ убивает царя-освободителя (Д.Г. Россетти, «Царь Александр II» («Czar Alexander The Second», 1881)), а мать ради спасения собственной жизни бросает младенца на растерзание волкам, преследующим в зимнем лесу ее сани (Р. Браунинг, «Иван Иванович» («Ivan Ivanovich», 1879)) [Красавченко: 47–49].

Возникновение авторской детской литературы в Англии, как известно, относится к середине XVIII века. Однако поскольку первые произведения носили скорее дидактический, нежели развлекательный характер, а авторы их редко обращались к истории столь дальних и столь «экзотичных» стран, то и образ России впервые проникает в нее значительно позже – в 1840-е годы, то есть в начале того периода, который принято называть «золотым веком» британской детской литературы. Отношения между Россией и Великобританией в это время, повторимся, были заострены, а поскольку «детский» миф следует обыкновению за мифом «взрослым», то и образ России в литературе для подрастающих англичан получил соответствующую окраску².

Первое из обнаруженных нами упоминаний России в детской литературе Великобритании встречается в стихотворном предисловии к переводу басен Вильгельма Хейя (Wilhelm Hey; 1789–1854), выполненному в 1844 году детской писательницей Мэри Хоуитт (Mary Howitt; 1799–1888):

'Tis loved when sterner winter chills;	Ее [эту книгу] любят, когда свирепеет зимний холод,
When summer gilds the wine;	Когда лето золотит виноградную лозу, –
From Russia to the Tyrol hills;	[По всему свету,] от России и до тирольских холмов,
From the Black sea to the Rhine	От Черного моря до Рейна.
[Howitt: 1]	

Образ России здесь, как видим, не раскрывается, но косвенно она, противопоставленная холмам Тироля (в ключе параллелизма «зимний холод» – лето, что «золотит виноградную лозу»), ассоциируется с морозом и стужей, что вполне традиционно для взрослого мифа.

Более полноценно «Россия» и «русское» проникают в детскую литературу на рубеже 1850–1860-х годов – во времена Крымской войны. В этот период русский человек предстает в ней разновидностью «хладного Московита» («cold-hearted Muscovite») из сонета А. Теннисона «По поводу недавнего вторжения России в Польшу» («On the Result of the Late Russian Invasion of Poland», 1833); это – вояка-мародер, «окровавленный варвар», убийца, палач и головорез. Едва ли не единственными упоминаемыми персонажами в этот период оказываются русские солдаты, изображаемые в негативном ключе. В историческом романе Дины Марии Мьюлок (1826–1887) «Жизнь за жизнь» («A Life for a Life», 1859; рус. пер. – 1860), рассчитанном как на взрослого, так и на подрастающего читателя³, неоднократно упоминаются русские солдаты и пули (действие происходит на годы Крымской войны): «<...> в Крыму

почти столько же померло от пьянства, обжорства, от безмерного куренья, как от русских пуль» [Мьюлок: 257]; «В Крыму наше войско больше всего пострадало от пьянства. От него погибло больше людей, чем от русских пуль» [Мьюлок: 309]; «<...> ощущая более внутренней робости чем, бывало, при встрече с русским полком <...>» [Мьюлок: 328]. Фигурирует там и русская девочка, которую англичанин, военный врач мистер Эркурт, обнаружил в подвале, когда английские войска вошли в Севастополь и, привезя ее в Англию, «стал бы воспитывать на место дочери, если б она так скоро не умерла» [Мьюлок: 246].

Синонимом слова «русский» в этот литературный период становится негативно окрашенное «казак» (kozack), приобретающее коннотацию «варвар», «убийца». Так, в вольном переложении скандинавской сказки «Приключения Джона Дитриха» («Adventures of John Dietrich») из сборника Д.М. Мьюлок «Книга фей» («The Fairy Book») действие происходит «во времена Карла XII», когда «на остров пришли русские» и «казаки даже церкви разграбили и вынесли всё подчистую» [Mulock: 66].

Остро негативно высказывался о России Чарлз Кингсли (Charles Kingsley; 1819–1875), писатель и богослов, один из основоположников христианского социализма. К примеру, в путевом дневнике «Напоследок: Рождество в Западной Индии» («At Last: A Christmas in the West Indies», 1871) он так описывает впечатления от встречи с темнокожими местными жителями: «<...> о неграх можно сказать то же, что о русских; это отполированные дикари: поскребите их чуть-чуть – и варварство проступит наружу» [Kingsley 1871: 1, 111]. В других сочинениях Кингсли звучат и откровенно русофобские настроения; так, его проповедь «Добрый воин Иисуса Христа»⁴ («The Good Soldier of Jesus Christ», 1884), адресованная английским солдатам и офицерам, начинается со слов: «Представим себе, что враги – русские, например – наводнили Англию <...>» [Kingsley 1884: 182]. С другой стороны, в его сочинениях, рассчитанных на юного читателя, или в исторических романах, вошедших в круг детского чтения, Россия предстает в иной ипостаси – как далекая, непостижимая и неизведанная страна. В книге «Герои, или Греческие волшебные сказки» («The Heroes, or Greek Fairy Tales», 1855), вольном пересказе для детей мифов Древней Греции, русские корабельщики – наряду с турками, англичанами и французами – упоминаются как храбрые мореходы, бороздящие мировой океан [Kingsley 1855: 93]. Однако и в таком случае Россия не утрачивает своего варварского характера. Так, в историческом романе «Гервард Зоркий, последний из англичан» («Hereward the Wake: Last of the English», 1866), одном из любимейших детских произведений викторианской эпохи о приключениях саксонского мятежника (возможном прототипе легендарного

разбойника Робин Гуда [Сергеева: 821–825]), говорится: «Для них (Герварда и его спутников. – Г. В.) страна <...>, что раскинулась на том берегу Форта (река в Шотландии. – Г. В.), была как Россия или Китай, где картографы на бескрайних просторах “рисуют пальмы и слонов / За неимением городов” (цитата из стихотворения Дж. Свифта “О поэзии: рапсодия” (“On Poetry, A Rhapsody”, 1733), приводится в пер. Ю.Д. Левина. – Г. В.))» [Kingsley 1866: 1, 70]. Упомянутый Кингсли Китай (архаическое название Китая, производное от имени династии Кидани (Khitan), правившей в 907–1125 гг.), ассоциировался с варварством, неразвитостью, необразованностью – и противопоставлялся цивилизованному миру Британской империи; ср. строки из знаменитого стихотворения А. Теннисона «Локсли-Холл» («Locksley Hall», 1833): «Вместе с вихрем мы ворвемся в новый день – трудись, мечтай! / Лучше двадцать лет в Европе, чем на двести лет – Китай» (пер. С.Б. Лихачёвой).

Грубость и неотесанность – еще один аспект, прочно ассоциирующийся в британской детской литературе с Россией. Даже русские пословицы, встречающиеся в произведениях викторианских авторов, приводились в контексте, указывающим на неразвитость страны, в которой они придуманы. В сборнике Маргарет Гэтти (Margaret Gatty; 1809–1873) «Притчи, природой данные» («Parables from Nature», 1855) приводится в буквальном переводе пословица «Гром не грянет, мужик не перекрестится» («If it had not thundered, the peasant had not made the sign of the cross») – и далее следует уточнение: «<...> так гласит *грубая* (rude) поговорка одной далекой страны <...>» [Gatty: 100] (курсив наш. – Г. В.).

Начиная с 1860-х годов детские писатели Великобритании предпринимают первые – пока еще неуверенные – попытки ввести в свои сочинения русских людей как активных, действующих персонажей. К примеру, в сказке Джулианы Хорейши Юинг (Juliana Horatia Ewing; 1841–1885) «Кусачий дракон»⁵. История, случившаяся под Рождество» («Snap-Dragons. A Tale of Christmas Eve») главными героями выступает семейство Скраджей (Skratdj), которые «с виду... были не то русские, не то поляки, хотя жили, вне всяких сомнений, в Англии» [Ewing: 115]. В дебютном романе Юинг «Воспоминания старушки из дома напротив» («Mrs. Overtheway's Remembrances», 1869) маленькая сирота Ида, тяготясь обществом своего нечуткого и грубоватого дядюшки, заводит дружбу с пожилой дамой, живущей в доме через дорогу, и начинает ходить к ней в гости на чай. После очередной ссоры с дядюшкой (нетактично, хотя и нечаянно, упомянувшего о смерти ее отца), Ида ищет утешения в обществе дружелюбной старушки; в гостиной, где они пьют чай, она видит рисунок старинного дома и ведущей к нему извиристо-жи-

вописной дороги, которая сразу привлекает внимание девочки. Побуждаемая расспросами Иды, старушка рассказывает историю этого дома, который ее семья когда-то снимала у русских (Roosky) эмигрантов, носивших фамилию Смит⁶. Небольшой особняк на живописном побережье, он назывался «Reka Dom» (вероятно, неточный перевод английского River House – «Речной Дом»), по крайней мере, эти слова были выведены на табличке над воротами «крупными римскими капиталами» [Ewing 1869: 157]. Сами Смиты в этой истории обозначены очень контурно: старшая женщина, мать семейства (и, вероятно, вдова), две ее дочери, Мария и Марфа (сама Юинг проводит параллель с библейскими сестрами-гостеприимцами из Вифании [Ewing 1869: 167]), и мальчик-инвалид, любимец семьи, в скором времени умирающий. Сестры очень скромны, приветливы и услужливы; однако, несмотря на это, Смитов в деревне считают язычниками (heathens) – опять же в духе стереотипа о варварах-русских – хотя они очень набожны и каждое воскресенье посещают церковь [Ewing 1869: 161]. История дружбы рассказчицы с сестрами отчасти развивается в развязке романа, однако почти сразу же утрачивает русский колорит.

В конце XIX века на смену «старого» русского типажа – варвара, убийцы, солдата-головореза – является «новый»: русский – полицейский или тайный агент⁷. Как раз в это время – не в последнюю очередь благодаря резонансному делу Веры Засулич и группы «Народная воля» – популярность получает тема нигилистов. Колоссальными тиражами в «дешевых» сериях печатаются романы и пьесы «на русскую тему»; литературу наводняют террористы-народники, полицейские жандармы, убитые градоначальники, беглые княжны и сыщики из тайной полиции – «блеклые кальки» с Порфирия Петровича из «Преступления и наказания» Достоевского [Newton: 35–52]. Не адресованные юным читателям, эти романы неизбежно попадали в круг если не детского, то по крайней мере подросткового чтения и пользовались популярностью в бесплатных библиотеках (нововведение этого периода). А к началу XX века образ «полицейской» России прочно входит и в детскую литературу, кристаллизованный в популярнейшей повести Эдит Несбит (Edith Nesbit; 1858–1924) «Дети железной дороги» («The Railway Children», 1906).

Если основной сюжет повести, согласно распространенной гипотезе, является «краденым» [Adami: 61], то русская линия вне всяких сомнений была введена самой Несбит – одной из основательниц Фабианского движения, известной своими антироссийскими взглядами [Fitzsimons: ch. 15]. В четвертой главе трое детей, придя на станцию встречать возвращающуюся из города маму, слышат странную речь. «Невидимый им человек говорил на каком-то совершенно непонятном <...>

иностранным языке» [Нэсбит: 120]. А вскоре вслед за речью появляется и ее «носитель»: «У него были длинные волосы, безумный взгляд и потрепанная одежда такого фасона, которого Питер ни разу в жизни и ни на ком не видел» [Нэсбит: 121]⁸. Особенно Несбит акцентирует глаза незнакомца: «Безумные и затравленные» – по замечанию местного фермера, «как у лисы, коль в капкан угодила» [Нэсбит: 124]. Собравшаяся на станции толпа окружает человека, разглядывая как диковинку и отпуская замечания вроде «клиент для полиции», «скорей для больницы» [Нэсбит: 120]; а когда начальник станции «совершенно по-доброму» хватается за руку, тот, «испугавшись резкости <...> жеста, вырвался и <...> отступил к стене, прижавшись к которой начал, трясясь всем телом и кашляя, отпихивать [его] от себя» [Нэсбит: 123]. Удивленный начальник станции предлагает без задней мысли вызвать полицию; но Ребекка, старшая из детей, отговаривает его, заметив, что человек напуган и даже плачет.

Постепенно выясняется, что незнакомец по национальности русский (дети показывают ему почтовые марки различных стран, и он выбирает нужную). Узнав об этом, собравшиеся не демонстрируют к нему ненависти, однако у некоторых из них в речах и поступках сквозит открытая неприязнь. Когда мама трех главных героев предлагает русскому остановиться у них в доме, начальник станции замечает: «Надеюсь, вам не придется потом обнаружить, что вы пригрили змею» [Nesbit 1906: 110] (в оригинале: «frozen viper» – отсылка к басне Эзопа № 51: «Крестьянин и змея», в англ. традиции: «The Farmer and the Frozen Viper» – «Фермер и замерзшая гадюка»). (Любопытно отметить, что в цитируемом нами переводе Иванова – Устиновой фраза передана ошибочно: «Надеюсь, вам не придется потом обнаружить, что вы привели домой замороженного вампира» [Нэсбит: 128] (viper => vampire); таким образом, в переводной версии повести русский человек (пусть неосознанно, в силу переводческой ошибки) ассоциируется и с вампиром – еще одним символом диких «восточных» стран, кодифицированным Б. Стокером в знаменитом романе «Дракула» («Dracula», 1897.) Ухмыляется и доктор, друг семьи, когда Ребекка говорит ему, что эмигрант на станции плакал [Нэсбит: 130], – вероятно считая, что иных слез, кроме «крокодиловых», у русского человека не бывает.

Вечером, когда эмигрант засыпает, мама рассказывает детям услышанную от него историю. Оказывается, этот человек – знаменитый писатель, автор «прекрасных», «чудесных книг», призывающих к правде и справедливости. Однако «в России, на его родине, цари запрещали рассказывать о пороках богатых и о том, что следует обеспечить бедным право на лучшую жизнь и счастье. Тех, кто решался к этому призывать, сажали в тюрьму»:

В России можно попасть в тюрьму просто за книгу, если она властям не понравилась. А он как раз написал прекрасную книгу про бедных людей, которым необходимо помочь. Я читала ее. Она полна доброты и любви к людям. И за это его посадили в тюрьму. Три года он просидел в ужасающей одиночной камере – сырой, холодной, почти без света [Нэсбит: 134].

Питер, средний по старшинству из детей, с недоверием воспринимает эти слова и замечает, что «такого не может происходить в наши дни»: «Прямо какой-то учебник истории про времена Инквизиции» [Нэсбит: 134]. Но мама грустно говорит, что это – «сплошная и страшная правда», и предлагает детям помолиться о том, чтобы Бог явил «милость Свою ко всем заключенным и узникам» [Нэсбит: 136], подразаемая и русского эмигранта, и их собственного отца, посаженного в тюрьму по навету и ложному обвинению в измене родине (вероятная параллель к знаменитому делу Дрейфуса [Fitzsimons: ch. 15]), и, возможно, всех жителей страшной, жестокой и кровавой страны, полицейского царства – России.

* * *

Итак, как мы видим, в детской литературе на сломе викторианской и эдвардианской эпох формируется негативный образ России – варварской страны, «полицейского царства», края угнетенных крестьян, изувеченной правды, полицейских агентов, убийц-казаков, язычников, детоубийц и холодных тюремных застенков. Конечно, параллельно с ним формируется и другие – и волшебная страна снегов и метелей (каковой она предстает в переводах народных сказок и в авторских сборниках, массово публикуемых на рубеже веков), и «сакральная» России, святая страна, каковой она предстает в знаменитых травелогах Стефена Грэма. И все-таки именно образ «полицейского царства», России как варварского царства или огромной тюрьмы высвечивается в это период максимально рельефно – и, преломившись в образе кровавой Страны Советов, сохраняется отчасти до наших дней.

Примечания

¹ Русскому мифу во «взрослой» английской литературе посвящено множество работ. Отметим некоторые из них: [Cross; Beasley, Bullock; Королёва].

² В скобках отметим, что русский «детский» миф о Великобритании сформируется значительно позднее – в начале XX века, полноценно оформившись в 1920-е годы, – и будет не менее негативным, хотя и в иных тонах [Goodwin: 16–18].

³ Романы мисс Мьюлок пользовались огромным спросом в бесплатных библиотеках, немалый процент посетителей которых составляли дети и подростки [Anonimoys, 127].

⁴ «Кусачий дракон» (Snap-dragon) – знаменитая английская рождественская игра, по ходу которой

участники должны по очереди хватать изюминки с блюдца с горящим спиртом.

⁵ Слова из Второго послания к Тимофею (Тим. 2: 3).

⁶ Смит (Smith – букв.: «Кузнецов(а)») – распространенная английская фамилия (ср. рус. Иванов), которую часто берут эмигранты или англичане, желающие скрыть свое прошлое.

⁷ Этот мотив встречается и в автобиографической литературе. К примеру, известный детский писатель (и по совместительству тайный агент) Артур Рэнсом (Arthur Ransome; 1884–1967), рассказывая в автобиографии о своем первом приезде в Россию в 1913 году, вспоминал, что первым его впечатлением стали русские жандармы в тяжелых сапогах, усадые и с широкими поясами, а также запомнившиеся на всю жизнь слова соседа по паровой каюте: «Когда в Англии неожиданно прерывается разговор и наступает внезапная тишина, мы говорим – прошел ангел; в России говорят – полицейский родился» [Ransome: 159].

⁸ Еще один русский эмигрант, также «очень неопрятный и очень потрепанный», возникает во «взрослом» романе Э. Несбит «Дафна с Фицрой-стрит» («Daphne in Fitzroy Street», 1909). В этом же романе русские также представлены неприглядно, а также обыгрывается старый стереотип «русский казак – убийца». Ср. заголовки русских газет, которым с ужасом внимают героиня, слушая рассказ русского революционера: «Массовая резня евреев в Одессе», «Триста крестьян расстреляны казаками», «Дети замучены русскими властями» и т. п. [Nesbit 1909: 71].

Список литературы

Королёва С.Б. Британский миф о России. М.; Берлин: DirectMedia, 2016. 239 с.

Красавченко Т.Н. Загадка, завернутая в тайну и помещенная внутрь головоломки // Отечественные записки. 2007. № 5 (38). С. 40–52.

Мьюлок Д.М. Жизнь за жизнь (A Life for a Life): роман / соч. автора «Джона Галифакса» // Приложение к журналу «Русский Вестник». 1860. Т. 30. С. 225–527.

Нэсбит Э. Дети железной дороги / пер. с англ. А.Д. Иванова, А.В. Устиновой. М.: Эксмо, 2015. 350 с.

Сергеева В.С. Примечания // Робин Гуд / изд. подгот. В.С. Сергеева. М.: Наука: Ладомир, 2017.

Adami Esterino. Railway Discourse: Linguistic and Stylistic Representations of the Train in the Anglophone World. Cambridge Scholars, 2019, 161 p. [Anonymous]. Story of the Author's Life. The Little Lame Prince, by Miss Mulock, pictures by H. Dunlap. Rand-McNally & C°, 1909, pp. 123–128.

Beasley Rebecca, Bullock Philip Ross. Russia in Britain, 1880–1940: From Melodrama to Modernism. Oxford University Press, 2013, 336 p.

Cross Andrew. «A People Passing Rude...»: British Responses to Russian Culture. Open Book Publishers, 2012, 348 p.

Crummey Robert, Berry Lloyd. Rude & Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers. University of Wisconsin Press, 1968, 414 p.

Ewing Juliana Horatia. Mrs. Overtheway's Remembrances. Society for Promoting Christian Knowledge, 1869, 250 p.

Ewing Juliana Horatia. «The Peace Egg» and Other Tales. Society for Promoting Christian Knowledge, E. & J.B. Young & C°, [n. d.], 178 p.

Fitzsimons Eleanor. The Life and Loves of E. Nesbit: Victorian Iconoclast, Children's Author. Bloomsbury Publishing, 2018, 400 p.

Gatty Alfred (Mrs.). Parables from Nature. First and Second Series. George Bell & Sons, 1861, 195 p.

Goodwin Elena. Translating England into Russian: The Politics of Children's Literature in the Soviet Union and Modern Russia. Sydney, Bloomsbury Publishing, 2019, 272 p.

Howitt Mary. To English Children. [Hey Wilhelm]. The Child's Picture and Verse Book, Commonly Called «Otto Speckter's Fable Book»; with the Original German and with French, translated into English by M. Howitt. Longman, Brown, Green & Longmans, 1844, p. 1.

Kingsley Charles. At Last: A Christmas in the West Indies, in 2 vol. Harper & Brothers, 1871, 317 + 320 p.

Kingsley Charles. Hereward the Wake, Last of the English, in 2 vol. Bernard Tauchnitz, 1866, 634 + 644 p.

Kingsley Charles. The Heroes; or, Greek Fairy Tales for My Children. Macmillan & C°, 1855, 248 p.

Kingsley Charles. True Words for Brave Men: A Book for Soldiers' and Sailors' Libraries. Eleventh Thousand. Kegan Paul, Trench & C°, 1884, 124 p.

Mulock Dina Maria. The Fairy Book: The Best Popular Stories Selected and Rendered Anew. Harper & Brothers, 1863, 368 p.

Nesbit Edith. The Railway Children. N. Y.; L.: Macmillan & C°, 1906, 310 p.

Nesbit Edith. Daphne in Fitzroy Street. Doubleday & Page, 1909, 418 p.

Newton Michael. Exporting Russian Nihilism in 1880s. Russia in Britain, 1880–1940: From Melodrama to Modernism. Oxford University Press, 2013, pp. 35–52.

Ransome Arthur. The Autobiography, ed., with Prologue and Epilogue by Rupert Hart-Davis. Jonathan Cape, 1976, 368 p.

References

Koroleva S.B. *Britanskiy mif o Rossii* [British myth about Russia]. Moscow, Berlin, DirectMedia Publ., 2016, 239 p. (In Russ.)

Krasavchenko T.N. *Zagadka, zavernutaya v taynu i pomeshchennaya vnutr' golovolomki* [A riddle wrapped in mystery and placed inside a puzzle]. *Otechestvennyye zapiski* [Notes of the Fatherland], 2007, № 5 (38), pp. 40–52. (In Russ.)

Myulock D.M. [Mulock D.M.] *Zhizn' za zhizn' (A Life for a Life): roman* [a novel]. *Soch. avtora «Dzhona Galifaksa»* [By the author of «John Halifax»]. *Prilozheniye k zhurnalu «Russkiy Vestnik»* [Supplement to the magazine «Russian Bulletin»], 1860, vol. 30, pp. 225–527. (In Russ.)

Nesbit E. *Deti zheleznoy dorogi* [Children of the railway]. A.D. Ivanov, A.V. Ustinova (Transl.). Moscow, Eksmo Publ., 2015, 350 p. (In Russ.)

Sergeeva V.S. *Primechaniya* [Notes]. *Robin Gud* [Robin Hood]. Sergeeva V.S. (Comp.). Moscow, Nauka Publ., Lodomir Publ., 2017. (In Russ.)